

творческой манеры неопатриотическое движение рубежа XX и XXI веков также обошло его наследие стороной. Несмотря на значимость творчества Ш. для постижения советского массового общественного сознания середины XX века, а также восприятия его романов как эталона советской политической прозы, труды и дни Ш. никогда не привлекали исследовательского интереса.

Соч.: Повести и рассказы. М., 1939; За жизнь. М., 1950; Горячие сердца. М., 1955; Искатели истины. М., 1955; Домик у пролива. Старая тетрадь. М., 1956; Красный камень. М., 1957; переизд.: Ташкент, 1960; Повести об удачах великих неудачников. М., 1959; Последний медвежатник. М., 1995. Война невидимок. М., 1996.

Лит.: Дымшиц А. Против поджигателей войны // Звезда. 1950. № 9; Советские детские писатели: биобиблиогр. словарь. М., 1961; Русские советские писатели прозаики. Т. 6. Ч. 2. М., 1969; КЛЭ. Т. 8. (В. Н. Чуванов); Некролог // Лит. газ. 1961. № 119. 5 окт. С. 4.

М. П. Лепехин

ШТЕЙГЕР Анатолий Сергеевич, барон [7(20).7.1907, имение Стебелевская Николаевка Киевской губ.— 24.10.1944, Лейзен, Швейцария; похоронен в Берне] — поэт.

Брат поэтессы Аллы Головиной. Происходил из старинного швейцарского рода, одна из ветвей которого переселилась в Россию в начале XIX в. Отец Ш. барон Сергей Эдуардович фон Штейгер (1868–1937) — полковник, предводитель дворянства Каневского уезда Киевской губ., с 1913 — депутат Гос. думы. Детские годы Ш. прошли в семейном имении Николаевка и в Петербурге (1913–14), впоследствии воспринимавшемся им как притягательный образ безвозвратно утраченного культурного мира и жизненного стиля. Во время Гражданской войны семья Ш. переселилась в Одессу, откуда в февр. 1920 эмигрировала в Константинополь (см.: Детство Анатолия Штейгера. Из его воспоминаний // Новый ж. Нью-Йорк. 1984. № 154), затем в Чехословакию, где Ш. окончил русскую гимназию. Эпизоды из жизни эмигрантской гимназии послужили сюжетной основой рассказа Ш. «Кирпичики» (Числа. Париж. 1933. Кн. 7–8). Имея швейцарское гражданство, Ш. в 1920–30-е много странствовал по Европе (Германия, Франция, Югославия, Албания, Румыния и др.). С детства болея туберкулезом, вынужден был продолжительное время проводить в швейцарских санаториях.

Поэтическому творчеству посвятил себя с 16–17 лет. Первый сб. стихов Ш. «Этот день» (Париж, 1928) вызвал сочувственный

отклик Г. В. Адамовича, отметившего в «типично-юношеских стихах» со следами посторонних влияний (З. Н. Гиппиус, Г. В. Иванова) «то, что называется „лирическим содержанием“» (Совр. записки. 1929. Кн. 38. С. 525). В последующие годы стихи Ш. появлялись в основных русских ж. и альм., издававшихся в Париже («Новый корабль», «Совр. записки», «Встречи», «Числа», «Круг», «Русские записки»). Репутацию одного из наиболее своеобразных молодых поэтов эмигрантского поколения Ш. завоевал после выхода в свет второй книги стихов «Эта жизнь» (Париж, 1932) и в особенности третьей — «Неблагодарность» (Париж, 1936). В. Ф. Ходасевич, нашедший сходство между поэтической стилистикой Ш., с характерными для нее фрагментарностью, лаконизмом, исповедальным началом («...как бы отрывки из дневника или даже заметки, вырванные из записной книжки, очень интимные по тону, как бы набросанные для себя или сказанные себе самому очень тихим голосом»), и «Уединенным» и «Опавшими листьями» В. В. Розанова, признавал наличие у Ш. необходимых для «этого рода стихотворений» «большой внутренней сосредоточенности», «заключенности чувства и мысли», «безошибочного чувства меры и изящества» (Возрождение. Париж. 1936. № 4012. 28 мая. С. 3). Не менее высоко о «Неблагодарности» и поэтической манере Ш. отзывался М. О. Цетлин: «Здесь импрессионизм внешних „мазков“ и внутреннее настроение прощанья и безнадежности — слиты в одно с большим мастерством» (Совр. записки. 1936. Кн. 52. С. 439).

Регулярно приезжавший в Париж и воспринимавшийся в кругу русских литераторов-парижан как «культурнейший, воспитанный, милейший и умнейший мальчик» (Яновский В. С. Поля Елисейские. Книга памяти. Нью-Йорк, 1983. С. 251), Ш. внутренне тяготел к этой среде, ощущал духовную общность с писателями «русского Монпарнаса»: «...деклассированная, разночинская, полуеврейская, безнадежная и чуть сумасшедшая наша монпарнасская среда — на которой все же тень от Петербурга, от петербургского периода русской литературы, — мне чрезвычайно мила» (Письмо Ш. к З. А. Шаховской от 9 дек. 1935 // Шаховская З.— С. 185). Именно близость Ш. к Монпарнасу послужила причиной разрыва отношений и прекращения интенсивной (с июля по сент. 1936) переписки между ним и М. И. Цветаевой (почти все письма Ш. к Цветаевой не сохранились): восприняв большое исповедальное письмо к ней Ш. как самовыражение «настоящего

А. С. Штейгер

Романтика» и испытывая глубокое сочувствие к Ш. в связи с перенесенной им хирургической операцией, Цветаева несколько недель своей жизни всецело посвятила эпистолярному диалогу-«роману» с ним — духовным сыном, по ее ощущению (к Ш. обращен созданный в это время ее стих. цикл «Стихи сироте»); причину расхождения между ними Ш. разъяснял в письме к Цветаевой от 18 сент. 1936: «...в моих письмах Вы читали лишь то, что хотели читать. Вы так сильны и богаты, что людей, которых Вы встречаете, Вы пересоздаете для себя по-своему...» (Цветаева М. Письма Анатолию Штейгеру. Калининград. Московская обл., 1994. С. 130; см. также: Цветаева М. Хотите ко мне в сыновья? М., 1994; Цветаева М. Письма к Анне Тесковой. СПб., 1991. С. 122–124).

Во время своих парижских наездов Ш. сблизился с Г. В. Адамовичем, который способствовал становлению его поэтического самосознания. В. В. Вейдле отмечал, что новое у Ш.— «почти целиком выжеженное <...> из стихов Адамовича и его суждений о стихах» (Русская литература в эмиграции: сб. статей / под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург, 1972. С. 12). При этом поэзия Ш. воспринималась как одно из наиболее законченных и характерных осуществлений «парижской ноты» — пропагандированного Адамовичем стремления писать «тихо-скромно-незаметно», в «дневниковом» стиле, с установкой на предельно искреннюю и безыскусно-непосредственную передачу индиви-

дуального жизненного опыта, с предпочтением «монпарнасских зыбких настроений» (Иваск Ю. Там же. С. 52, 63) перед отвлеченно-эстетическими и «метафизическими» устремлениями.

Итоговый сб. Ш. «**Дважды два четыре. Стихи 1926–1939**» (Париж, 1950) дал законченное воплощение его поэтической индивидуальности: простота выразительных средств и лаконизм поэтической фразеологии, «интимная» доверительность тона и обостренный психологизм (особенности, позволявшие возводить поэтическую родословную Ш. к И. Ф. Анненскому), эскизность и недоговоренность, расширявшие смысловое пространство его лирических миниатюр, возвращение худож. потенциала отработанным поэтическим клише: «Слезы... Но едкие взрослые слезы. / Розы... Но в общем бывают, ведь, розы — / В Ницце и всюду есть множество роз. / Слезы и розы... Но только без позы. / Трезво, бесцельно и очень всерьез» (С. 45). Ю. П. Иваск в рецензии на «Дважды два четыре», рассматривая Ш. в ряду поэтов его поколения, подчеркивал, что он «всех их значительно более благородно-скромным и серьезным пониманием реальности, правдивостью, а также своим мастерством»: «По-детски беспомощный и по-детски обиженный, он каждое свое настроение передавал в законченной форме. Штейгер, заблудившийся ребенок, в творчестве своем неожиданно обнаружил также ту скромную сдержанность светского человека, который считает недостойным для себя высказывать чрезмерное волнение, стонать или говорить неясно. Поэтому его стихи, при всей их интимности, сдержанны и законченны» (Новый ж. 1951. № 25. С. 300–301).

Во время Второй мировой войны Ш. жил в Швейцарии, участвовал в антифашистской борьбе (работал в военной цензуре, составлял антифашистские листовки); тяжело переживая происходящее в Европе, после 1939 стихов не писал. Умер от туберкулеза. Резюмирующую общую оценку творчества Ш. дал Г. В. Иванов в статье «Поэзия и поэты» (1950): «Стихи Штейгера — прекрасная иллюстрация к фразе: „Мой стакан невелик, но я пью из своего стакана“. Они пример того, какое значение имеют вкус, чувство меры, поэтическая культура. Каждое стихотворение Штейгера — маленький шедевр вкуса, тонкости, чутья, доведенного до совершенства умения полностью использовать свои выигрышные стороны, искусно миновав слабые...» (Иванов Г. СС: в 3 т. М., 1994. Т. 3. С. 585).

Соч.: 2x2=4. New York, 1982.

Лит.: Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк, 1953. С. 118–121; Адамович Г. О Штейнере, о стихах, о поэзии и о прочем // Опыты. Нью-Йорк, 1956. Кн. 7; Шаховская З. В поисках Набокова. Отражения: [письма Ш. к Шаховской]. М., 1991. С. 158–161, 175–190; Адамович Г. Одиночество и свобода. СПб., 1993. С. 151–154; Саакянц А. А. Письма Марины Цветаевой к Анатолию Штейнеру // Российский литературоведческий ж. 1994. № 4; Цветаева М. СС: в 7 т. М., 1995. Т. 7: Письма / комм. Л. Мнухина. С. 565–635; Мосешвили Г. Стихи из заколдованного круга // Лит. обозрение. 1996. № 2. С. 49–53.

А. В. Лавров

ШТЕЙН (настоящая фамилия Рубинштейн) Александр Петрович [15(28).9.1906, Самарканд — 5.10.1993, Москва] — драматург, сценарист, мемуарист.

Родился в семье служащих. Детство и юность Ш. прошли в Средней Азии, где он приобщился к революционным событиям. В годы Гражданской войны служил в отряде ЧОН (частей особого назначения), воевал против басмачей. Тогда же начал публиковать свои заметки в газете бухарской группы войск Туркестана и в «Правде Востока». Важную роль в судьбе Ш. сыграли его приезд в Петроград в 1923, учеба в ЛГУ и активная журналистская работа, в т. ч. главным редактором ленинградского театрального ж. «Искусство и жизнь» (1935–40). Служба во время Великой Отечественной войны старшим

А. П. Штейн

политруком на линкоре «Октябрьская революция» и спецкором центральной газ. «Красный флот» в блокадном Ленинграде навсегда связали Ш. с жизнью военных моряков, предопределили темы и сюжеты многих его пьес. Журналистика, флот и театр сформировали писательский облик Ш. и обусловили его индивидуальные черты как драматурга.

Первые пьесы Ш.— «Нефть» (1929) и «Утопия» (1930), созданные совместно с братьями Тур и Я. Горевым, были не более чем драматизированными газетными очерками. Но уже в первой самостоятельной пьесе «Талант» (1934) проявились, хотя еще и не в полной мере, свойственные Ш.-драматургу интеллектуальное начало и умение строить психологически сложный характер. Работа над киносценариями «Балтийцы» (1936, совместно с А. Зеновиным) и «Штурм» (1939, совместно с А. Файнциммером) подвела Ш. к благотворной, но рискованной теме кронштадтского контрреволюционного мятежа 1921, воплощенной им в пьесе «Весной двадцать первого» (1939). Спустя четверть века он вернулся к этой теме, переработал пьесу, создав новый ее вариант под названием «Между ливнями» (1964). Автор счел необходимым ввести в пьесу образ В. И. Ленина и посредством его внутренних монологов усилить драматизм исторической ситуации, полнее раскрыть социальные корни кронштадтского мятежа. Однако пьеса была осуждена официальной критикой тех лет, не удовлетворенной прежде всего тем, что вождь показан «в своей кремлевской квартире, в полном одиночестве, вне круга своих соратников, вне общения с трудовым народом», лишь «произносит большие монологи наедине с собой» (Ответственность художника. Об одной неудачной пьесе // Театр. 1964. № 9. С. 16).

В годы Великой Отечественной войны Ш. написал киносценарии «Подводная лодка Т-9» (1943) и неожиданную для него самого комедию «Крестовский остров» («Добро пожаловать», 1943, совместно с З. Аграненко). Этот период не оставил в творческой биографии Ш. значительных произведений, но он дал драматургу такой запас жизненных наблюдений и такой заряд творческой энергии, которого ему хватило на долгие годы после войны. С этим связано пробуждение интереса писателя к славной истории русского флота. Пьеса «Флаг адмирала» (1950, Сталинская премия 1951) и созданный на ее основе фильм «Адмирал Ушаков» (1952) сделали имя Ш. как одному из ведущих советских драматургов. Худож.